

Здесь русский дух

Пушкин — великий и непонятый еще предвозвеститель.

Ф. М. Достоевский

Поэзия для Пушкина не была хобби или родом профессиональных занятий. Поэтическое творчество — это наиболее адекватная форма его жизни. В поэзии и через поэзию Пушкин был связан с Высшей Реальностью, проживал свою судьбу, переживал судьбу своего народа, культуры, мира, открывал для себя новые измерения бытия. В этом смысле Марина Цветаева говорила, что *«Пушкин — поэт с историей»*. Валентин Непомнящий отмечал, что Пушкин входил в стихотворение одним, а выходил другим, для него поэзия — это сама жизнь, прохождение жизни в слове, это эстетика не отображения жизни, а эстетика преобразования жизни. Поэтому сложнейшие и глубочайшие смыслы в творчестве Пушкина выражены удивительно ясно и прозрачно. *«У Пушкина почти нет загадок. Во-первых, он слишком уважал своего “благодарного читателя”, чтобы предлагать ему ребусы. Во-вторых, Пушкин прост потому, что в последний период творчества настолько разобрался в себе и в окружающем мире, насколько это вообще доступно мирскому человеку. В-третьих, внутренняя ясность отлилась в предельно чёткие словесные и художественные формы»* (Г. А. Анищенко).

Универсальность пушкинского гения непревзойдённа, и этот феномен не поддаётся эмпирическому объяснению. Его **всечеловеческое** творчество вобрало основные темы и проблемы европейской и мировой литературы. Пушкин, имея неповторимый творческий облик, пропустил через себя влияния многих авторов, впервые внёс в русскую литературу жанровое и видовое разнообразие европейских литератур. Будучи уникальным русским писателем, он обладал сверхъестественной способностью проникаться духом иноязычных литератур и чутко передавать их национальный колорит. *«Наиболее изумительной чертой Пушкина, определившей характер века, был его универсализм, его всемирная отзывчивость»* (Н. А. Бердяев).

В открытости Пушкина сказалась русская духовность. Поэт называл себя *«эхом русского народа»*. Гоголь говорил, что Пушкин есть, *«может быть, единственное явление русского духа»*. Расхожим стало утверждение: *«Пушкин — это наше всё»*. Непомнящий отмечал, что ни к одному другому литератору в мире народ не относился так, как к Пушкину. Невозможно себе представить, чтобы **каждая** годовщина Шекспира или Данте отмечалась всенародно, а у их памятников ежегодно появлялось множество цветов. Ни к кому не относятся столь многогранно: на одном полюсе всенародно слагаются анекдоты, на другом — видят в нём национального пророка. Пушкин — это *«Россия, выраженная в слове»* (В. С. Непомнящий); он олицетворяет национальное сознание и жизнеощущение. Пушкин грациозно переводил образы европейской литературы в литературу отечественную, а русскую культуру расширял до общечеловеческой. При этом разрабатывал разнообразные литературные жанры и проблемы культуры — не только поэзии и художественной литературы, но и языка, истории, театра, философии, политики.

Глеб Анищенко обратил внимание на то, что *«Гоголь когда-то обозначил именно нынешний временной рубеж для начала истинного понимания Пушкина, говоря о том, что он — “русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет”. Двести лет минуло»*.

Литературовед Н. Н. Скатов полагает, что слова Гоголя следует понимать *«не в том смысле, что через 200 лет явились сонмы русских Пушкиных или в роли некоего коллективного Пушкина предстала вся нация. Речь идёт именно о развитии самого Пушкина на протяжении этих 200 лет нашей жизни и в нашей жизни. Может быть, ещё никогда Пушкин как русский человек не предстал перед нами как целый космос русской жизни в такой свободе, в такой непредвзятости, в такой возможности выбора, столь избавленным от односторонности. И в такой силе призыва к восприятию себя»*.

«Этот “призыв к восприятию” трудно не почувствовать сегодня при серьёзном соприкосновении с произведениями поэта. Может быть, действительно мы получили сейчас шанс подойти к довольно полному пониманию пушкинского творчества. Для

этого, однако, совершенно необходимо очистить своё восприятие от прежних наслоений: отказаться от идеологических и исторических стереотипов; не разминаться на рассмотрение периферийных сторон творчества, а сосредоточить внимание на главных направлениях; заставить себя воспринимать прямой смысл написанного, а не искать несуществующие (но желаемые) подтексты; читать Пушкина, а не подглядывать за его личной жизнью» (Г. А. Анищенко). В чём явилось значение Пушкина за прошедшие двести лет и в чём его провиденциальное значение для современности?

Как преподобный Серафим в Православии, так Пушкин в светской культуре, подобно **духовному кристаллу**, вбирает достижения прошлого, творчески их преобразуя и задавая новые измерения будущего. *«Пушкин был живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и его больных, чающих исцеления узлов... Единственный по глубине, ширине, силе и царственной свободе духа, он дан был нам для того, чтобы создать **солнечный центр нашей истории**, чтобы сосредоточить в себе всё богатство русского духа и найти для него неумирающие слова. Он дан был нам как залог, как обетование, как благодатное удостоверение того, что и на наш простор, и на нашу страсть может быть найдена и создана завершающая и совершенная форма. Его дух, как великий водоём, собрал в себя все подпочвенные воды русской истории, все живые струи русского духа»* (И. А. Ильин).

Творческий гений Пушкина опережал своё время. Его жизнь подобна свёрнутой во времени жизни **русского национального духа** — она повторяет этапы становления и раскрывает будущие пути духовности русского народа. Отсюда сугубый интерес поэта к истории своего народа — как истории его собственной души, а также обращённость к будущему — его пророческое служение. Гений, открываясь измерениям вечности, мог предвидеть нечто в будущем.

Юный Пушкин преисполнен энергии жизнерадостного язычества и страстного возрожденчества. *«Лирический герой раннего творчества Пушкина воспринимает жизнь как цепь, состоящую из отдельных **мгновений**»* (Г. А. Анищенко). Но молодой

поэт не мог не осмыслить мировоззренческие основы такой жизненной позиции: *«Восемнадцатилетний поэт смог чётко определить мировоззренческий исток такого “мгновенного” мировосприятия и назвать его: безверие. Тот, “кто с первых лет безумно погасил отрадный сердцу свет”, вынужден жить лишь мгновением, так как для него земная жизнь не может представляться чем-то цельным, а жизни вечной не существует»* (Г. А. Анищенко).

Это время душевных кризисов, внутренней опустошенности, духовного томления и тоски. *«В сознании героя пушкинской лирики возникает и до предела обостряется к концу южного периода трагический конфликт между ощущением полной бессмысленности жизни, с одной стороны, и с другой — страхом перед бессмысленной смертью, пожирающей всё-таки дорогие мгновения жизни»* (Г. А. Анищенко).

«Пушкин часто был эолова арфа либерализма на пиришествах молодёжи, откликаясь теми голосами, которые на него налетали» (П. А. Вяземский). У века Просвещения он занимает кощунственное отношение к религии («Гавриилада»), увлечение либеральными идеями и социальными утопиями. *«“Дух отрицания”, с такой силой обрушившийся на человеческую личность, естественно, затронул и все области её воззрений. Безверие, которое раньше переживалось как трагедия, теперь принимает вид фривольного кощунства или богоборчества. В сфере социально-политической прежние просветительские устремления сменяются революционными призывами к кровопролитию. В начале 1820-х годов богоборчество и революционность образуют некое нигилистическое единство в творчестве поэта»* (Г. А. Анищенко).

Пушкин становится апологетом и певцом **тираноборчества**: *«В деспотическом государстве тираноборец, политический убийца заменяет и подменяет собой закон. Эта подмена происходит в кругу земных реалий. Однако пушкинский тираноборец, совершая суд, руководствуется отнюдь не собственным произволом: он получает некую санкцию свыше»* (Г. А. Анищенко). В «Кинжале» инерция безверия доводит до логического предела: *«“Вышней” силой, “богом” “юных праведников” является*

прямая противоположность Христу — анти-Христос... революционеры-тираноборцы приводят в исполнение приговор “высшего суда” анти-Христа, подменяющего собой Христа истинного» (Г. А. Анищенко). Поэт заражался господствующими идеями своего времени и выражал их с разрушительной поэтической силой. Пушкинский «Кинжал» стал чуть ли не гимном декабристов. О тогдашнем положении Пушкина писал П. А. Вяземский: *«Хотя он и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере».*

Юный поэт дошёл до края и заглянул в инфернальные бездны, но нашёл в себе силы отшатнуться, ибо пушкинский атеизм не был тотально безысходным. *«Ему уже тогда противоречили некоторые основные тенденции, определяющие собственный духовный склад Пушкина... Мы насчитываем три такие основные тенденции: склонность к трагическому жизнеощущению, религиозное восприятие красоты и художественного творчества и стремление к тайной, скрытой от людей духовной мудрённости... Этот духовный опыт должен был уже рано привести Пушкина к ощущению ложности “просветительства” и рационалистического атеизма»* (С. Л. Франк).

С 1824 года и Михайловской ссылки начинается духовное перерождение Пушкина. Глеб Анищенко полагает, что в «Пророке» 1826 года Пушкин описывает коллизии в душе поэта: *«В “Пророке” говорится о том, о чём там написано прямо: о чуде непосредственного откровения Бога человеку и о чудесном изменении всей сущности человека»* (Г. А. Анищенко). Поэтому *«“Пророк” является не только вершиной пушкинской поэзии, но и всей его жизни, её величайшим событием... В зависимости от того, как мы уразумеваем “Пророка”, мы понимаем и всего Пушкина... Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тех, которых ищут литераторы, тогда нет великого Пушкина»* (прот. Сергей Булгаков).

Итогом духовных превращений и обретения божественных даров (всеведения, всеслышания, пророческого слова, исполненности Божьей воли) явилось **рождение пророка**, *«перед которым Бог ставит совершенно определённую задачу: “глаголом*

жги сердца людей”... В “Пророке” подобный призыв обретает новый, глубочайший смысл только потому, что он есть не мысль поэта, а непосредственная воля Бога... Сердце, душа и разум героя-пророка, исполненного волей Бога, направляются на то, чтобы донести эту волю до сердец ближних. Чудо, описанное в “Пророке”, и может быть единственным объяснением рождения “нового” Пушкина в середине 1820-х годов... Чудесное рождение “нового” человека вовсе не означает его последующего чудесного бытия. Пушкин, рождённый как бы заново чудесным образом, в последующий период испытывает все трудности становления новорождённого организма. Со всеми болезнями, подвергающими этот организм жесточайшим испытаниям» (Г. А. Анищенко).

В период возмужания в душе поэта совершается переоценка ценностей. В «Борисе Годунове» он полемизирует с декабристами, декларируя неприятие социальных потрясений. Наступают годы духовных исканий, поиска ответов на главные вопросы. Пушкин обращается к прошлому своей родины (занятия историей), переживает вращение в национальную традицию, приобщение к корням национальной культуры. Это также время создания семьи как онтологической связи с предками и потомками — обретение глубинных душевных корней, без которых душа человека усыхает. *«Приблизительно в это время (начиная с “Бориса Годунова”)* Пушкин в духовном, нравственном, мировоззренческом и даже политическом смыслах стал с невероятной скоростью обгонять своё время, своё общество. Вскоре голос прежнего всеобщего любимца перестал восприниматься современниками как нечто внятное. (Показательно, что квартира, где умирал поэт, была завалена его нераспроданными изданиями: Пушкина просто не читали)» (Г. А. Анищенко).

Об этом свидетельствовал и Н. В. Гоголь: *«Влияние Пушкина как поэта на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только в начале его поэтического поприща, когда он первыми молодыми стихами своими напомнил было лиру Байрона; когда же пришёл он в себя и стал, наконец, не Байрон, а Пушкин, — общество от него отвернулось».*

В последний, прерванный смертью период жизни поэт достигает духовного просветления. Зрелый Пушкин высоким творчеством и достойной жизнью расширяет духовные горизонты русской культуры. *«Вся жизнь Пушкина раскрывается перед нами как постановка и разрешение основных проблем всероссийского бытия и всероссийской судьбы. Он всю жизнь неумолимо искал и учился. Именно поэтому он призван был учить и вести. И то, что он находил, он находил не в виде отвлечённых теорий, а своим собственным бытием: он сам был и становился тем, чем он “учил” быть; он учил, не уча и не желая учить, а становясь и воплощая. И то, что его вело, было вдохновение, вызывавшееся в нём всяким божественным явлением на его пути, и любовь к России — страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русскую душу, в русское прошлое, в русскую протонародную, сразу наивную, откровенную и детскую жизнь»* (И. А. Ильин).

В лице праведника (Серафима Саровского) и поэта созидание **жизни** и культуры в России обретало новое качество. Последующие достижения русской культуры зачинаются в этом **духовном** узле. Как писал Юрий Лотман, *«Пушкин, конечно, не производил хронологических расчётов с карандашом в руках, но он ощущал ритмы истории»*. Поэтому Пушкин сознавал, что ему приходится открывать новую эпоху: *«Радищев был для него... не человеком, начинающим новую эру, а порождением умирающей эпохи. Восемнадцатый век был для него таким же “великим концом”, как и первый век нашей эры, завершением огромного исторического цикла»* (Ю. М. Лотман). Говоря о Радищеве, Пушкин утверждает, что господствующие тенденции минувшего века не достойны подражания и продолжения: *«В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реняля; но всё в нескладном, искажённом виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приуроченные ко*

всему, — вот что мы видим в Радищеве... Нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви».

Большинство общества разделяло взгляды Радищева, но Пушкин пытается вернуть образованный слой в русло отечественной истории: *«Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».*

Пушкин характеризовал **тлетворный дух** XVIII века: *«Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал своё имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием её была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная».*

В начале XIX века в церковной культуре царили рационализм и школьное начётничество — как реакция на вольнодумное и легкомысленное XVIII столетие. В светской культуре господствовала сентиментальная и романтическая расслабленность ума и воли. Но Александру Пушкину, подобно Серафиму Саровскому, свойственны беспрецедентная для века **метафизическая реалистичность и углубленность**. *«Наряду с поэтическим гением нельзя не удивляться в Пушкине какой-то нарочитой зрячести ума: куда он смотрит, он видит, схватывает, являет. Это одинаково относится к глубинам народной души, к русской истории, к человеческому духу и его тайнам, к современности и современникам»* (прот. Сергей Булгаков).

Пушкин создаёт **современный русский язык**: *«Пушкин чародей родного языка, закончивший его чеканку, как языка совершенного, мирового. Говорить по-русски — теперь значит говорить на пушкинском языке»* (А. В. Карташев). Русский литературный язык он обогатил церковнославянизмами, осовременив многие архаические формы, а также вводил в высокую культуру простонародные языковые пласты. Гений поэзии, наделённый безукоризненным чувством языка, использовал высокий стиль, торжественность и поэтичность церковнославянского языка, избегая выпренности и напыщенности, вместе с тем органично заимствовал народный говор, избегая искуса нарочитой простонародности. Способствовал этому **универсум языкового**

сознания Пушкина, который блестяще владел французским (его первый разговорный язык) и был знатоком европейских литератур. Язык Пушкина — современный русский язык — несёт на себе печать пушкинского гения, в котором глубина и многообразность содержания выражается грациозной лапидарностью форм.

После Пушкина чародей литературного языка Гоголь мог говорить: *«Как чудесен, как богат русский язык! Каждый звук как подарок, всё... имеет форму, как жемчуг, и воистину каждое слово столь ценно, как сама обозначаемая вещь... Язык наш как бы создан для искусного чтения, заключая в себе все оттенки звуков и самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи... Сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нём все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны — выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанью непонятливейшего человека, — язык, который сам по себе уже поэт».*

О послепушкинском совершенстве нашего родного языка замечательно сказал Иван Ильин: *«Кто хочет научиться хорошо говорить по-русски, должен, прежде всего, расслабиться, освободиться от телесной и душевной скованности... и совсем легко и непринужденно приступить к делу. Затем он должен прислушаться к требованиям естественного удобства, органической свободы и мелодичного благозвучия внутри, дать возможность каждому слову произноситься и жить уютно, достойно, выразительно, со вкусом. Русский язык, подобно итальянскому, избегает всего, что звучит жёстко, грубо, скрипуче или шепеляво. Примечательно, к примеру, что русский слух воспринимает с известной долей ужаса кое-что в языках западных славян; такие слова, которые состоят из звонких согласных и потому не дают и малейшей возможности для мелодичного тона: такое “гетто*

согласных”... в русском языке просто невозможно. Русский язык хочет звучать и петь, быть естественным и выразительным, наслаждаться означаемым предметом, придавать ему фонетическую ценность и тем самым процветать самому. Он живёт и раскрывается благодаря **созерцающему вчувствованию**. Он шумит вместе с лесом и шепчет с камышом, сверкает с молнией и рокочет с громом, щебечет с птицами и плещется с волною; он весьма глубок в чувствах и проникновенен в мыслях. И при этом он остаётся гибким по форме, многообразным в ритме и послушным в стиле» (И. А. Ильин).

Дух народа запечатлён в его языке, Пушкин, создавая современный русский язык, филигранил русский дух. *«Язык народа есть как бы художественная риза его души и его духа. Посмотрите: гибкая народная душа — родит гибкий язык; легкая народная душа — поёт и пляшет в словах; тяжёлая душа народа — скрипит, громоздит и спотыкается. Легкомысленный народ — лепечет, замкнутый народ цедит слова сквозь преграду губ и зубов; даровитый народ подражает звукам внешнего мира. Язык прозаического народа — скуден и ясен, язык поэтического народа — звонок и певуч. Здесь всё имеет своё душевное и духовное значение: и гортанность, и обилие дифтонгов, и ударение на последнем слоге, и склонность передвигать ударение к началу, и неартикулированность согласных, и обилие омонимов, и орфография — эта **писаная риза языка**, эта запись **звуковых одежд духа человеческого** и характерное для языка стихосложение. Каждый язык ничей, и всенародный, и общий. Это способ народа выговаривать, выпевать свою душу; это **соборное орудие национальной культуры**; это **верное одеяние самой родины**. Или ещё лучше: это сама **родина в её звуковом, словесном, пропетом и записанном закреплении**. Вот почему жить в родном языке — значит жить самую родиную, как бы купаться в её морях, дышать воздухом её духа и культуры; общаться с нею непосредственно и подлинно»* (И. А. Ильин).

Литературный гений Пушкина умножил литературные темы, настроил тонкую языковую лиру. Русская поэзия *«творится в той беззаветной искренности, в той легкой свободе, в той играющей и поющей естественности, которая присуща*

русскому языку как бы от природы и которой нас навсегда научил дивный Пушкин» (И. А. Ильин).

С Пушкина зачинается великая русская классическая литература. «Не было бы Пушкина, не было бы последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такой ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни» (Ф. М. Достоевский).

Святой Серафим Саровский и гений Александр Пушкин являются духовной сокровищницей России, не вполне востребованной и до сего дня. Русская классическая литература, начавшись с Пушкина, ещё не вполне приобщилась к богатствам его необъятного духа. «Русская литература до сих пор недостаточно усвоила Пушкина — и предложенную им широту (столько уклоняясь за Радищевым к мортирным сатирам на социальные язвы), и его легкохватчивый попутный скользкий беззлобный юмор, отозвавшийся заметнее всего в Булгакове. Ещё и с рождением народной трагедии — сочетание свойств, о котором не скажешь, что оно потом легко повторялось в нашей или другой литературе. Пушкину у нас оказались верны не столько имена первого ряда» (А. И. Солженицын).

Пушкин поражал своих современников блистательным и глубоким умом. Жуковский признался однажды Гоголю: «Когда Пушкину было 18 лет, он думал как тридцатилетний человек, ум его созрел гораздо раньше, чем характер». Император Николай I после первой встречи с Пушкиным в 1826 году заметил графу Блудову: «Знаешь, я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России». Одна из хорошо знавших его современниц писала: «Никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли».

Иван Ильин писал о метафизической углублённости Пушкина: «Ум Пушкина был не только жив, гибок, тонок и ясен. Ему было свойственно видеть во всём Главное, душу людей и вещей, сокровенный смысл событий, тот великий и таинственный “предметный хребет” мира и человечества, на котором почует Свет Божий и вокруг которого всё остальное располагается как проявление, последствие или добавление... Его ум был ясновидящ

для существенного, прозорлив для субстанциального, верен **Божественному Главному**. Такова же была и его память, удерживавшая всё необходимое, верное, вечное». Это ум человека, обладающего **даром творческого созерцания**.

Поражает **вселенский универсализм** Пушкина. «В одной из статей (“Денница”, 1830) Пушкин дал своеобразное определение самому себе: “поэт действительности”. Может показаться, что в этом определении нет ничего характерного, отличительного: ведь и другие писатели изображают действительность. Изображают, конечно, но не в пушкинском смысле. Каждый писатель разрабатывает свой, особый пласт действительности. Уникальность же Пушкина состоит в том, что он стал **поэтом всей действительности**» (Г. А. Анищенко).

Об этом писал Гоголь в «Выбранных местах...»: «Что было предметом его поэзии? Всё стало предметом, и ничего в особенности. Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов... На всё, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на всё, что ни есть в природе видимой и внешней».

О способности Пушкина «всё сказать, всё показываемое видеть, **осветляя его**», пишет А. И. Солженицын: «Всем событиям, лицам и чувствам, и особенно боли, скорби, сообщая и свет внутренний, и свет осеняющий, — и читатель возвышается до ощущения того, что глубже и выше этих событий, этих лиц, этих чувств — нет. Емкость его мироощущения, **гармоничная цельность**, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, ощущаемые толици мирового трагизма — всплытие в слой покоя, примиренности и света. Горе и горечь освещаются высшим пониманием, печаль смягчена примирением... Пушкин принимает действительность именно всю и именно такую, как её создал Бог. У него нет “онтологического пессимизма, онтологической хулы на мир”, но хвала ему; и “русская литература в целом была христианской в ту меру, в какой она оставалась, по последней своей глубине, верной Пушкину” (прот. Александр Шмеман). “**Самый гармоничный дух**, выдвинутый русской культурой... Воплощение меры и мерность... До

конца **прозрачная ясность...**” (П. Струве). Все противоречия у него разрешаются в жизнеутверждающем созвучии, в светлом аккорде. Вот этим оздоравливающим жизненным чувством Пушкин и превозвысил надолго вперёд и русскую литературу уже двух веков, и сегодняшнюю смятенную, издёрганную западную).

Это не возрожденческое качество, а христианское приятие миротворения. Оттого Пушкин *«предстает одновременно **самым страстным** (его ещё при жизни называли “действующим вулканом”) и **по форме самым уравновешенным** поэтом Востока. Тем самым он показал своему народу, что национальная мощь и страсть поддаются форме, что в очевидном хаосе его душевной стихии дремлют совершенный порядок и гармония, которые способны прояснить молитвенную страсть и сотворить чудо. А между тем во всем, что сделал и что показал Пушкин, он руководствовался древней и прекрасной традицией православной Церкви»* (И. А. Ильин).

Радовались жизни святой и поэт не из-за удовлетворения земной обыденностью, — они, как никто, ощущали трагичность мироздания и реальность зла. Но в темном царстве они видели Божественный свет и умели радоваться **преобразовательной миссии**, дарованной Богом человеку. Схожи великие души и своими светлыми обликами. Преподобный Серафим встречал каждого с лучезарной улыбкой, приглашая разделить с ним радость богообщения. Святой — своей жизнью, поэт — своим творчеством вносили в мир светлые идеалы красоты, милосердия, добродетели.

Христианская любовь, открытость души проявились в верной, трогательной дружбе и в удивительной чуткости Пушкина к таланту других. Об этом писал протоиерей Сергей Булгаков: *«Пушкину от природы, быть может, как печать гения, дано было исключительное личное благородство. Прежде всего и больше всего оно выражается в его способности к верной и бескорыстной дружбе: он был окружён друзьями в юности и до смерти, причём и сам он сохранял верность дружбе через всю жизнь... В его дружеский список... вошли все его великие и значительные современники»*. Один из современников Пушкина свидетельствует: *«Я не встречал людей, которые были бы*

вообще так любимы, как Пушкин: все приятели его скоро делались его друзьями». Но, более того, «эта способность к дружбе стоит в связи с другой его — и надо сказать — ещё более редкой чертой: он был исполнен благоволения и сочувственной радости не только лично к друзьям, но и к их творчеству... Отношение Пушкина к современным писателям озарено сиянием этого благоволения: кого только из своих современников он не благословил к творчеству, не возлюбил, не оценил!» (прот. Сергей Булгаков).

Во всякой искренней творческой попытке он умел увидеть значительное. Ему было дело до всех человеческих проблем: от высочайших духовных до обыденных. О себе он мог сказать: «Я преисполнен добродушием до глупости». Даже литературный гонитель Пушкина Фаддей Булгарин, несмотря на едкие пушкинские эпиграммы, вынужден был признать: «Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе».

Близкий друг Пушкина Дельвиг писал к нему в ссылке: «Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шёл, т. е. делай, что хочешь; но не сердись на меры людей и без тебя довольно напуганных!.. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, Бога ради! Употреби получше время твоего изгнания». Иван Ильин, имея в виду непосредственный, открытый характер поэта, называл его «гениальным ребёнком», «шаловливым мудрецом».

Жизнь гения в мире, в котором царят обыденность и пошлость, не могла не быть преисполненной драматизма: «Он всю жизнь шёл среди людей, видя их насквозь и безошибочно и целомудренно укрывая от них свою впечатлительную, глубокую и вдохновенную душу, — зная заранее, что они не поймут его, и находя всюду подтверждение этому. А из них многие завистливо и уязвлённо не прощали ему его таланта, его ума и его острого и меткого языка» (И. А. Ильин).

Вольный поэт был мудрым и ответственным **гражданином**, понимая, что творческая свобода неотделима от ответственности: «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении

условий, налагаемых обществом» (А. С. Пушкин). Чеканная формула **гражданского служения** литератора звучит сегодня необыкновенно актуально.

Вопреки модным веяниям, зрелый Пушкин был **патриотом-государственником**, ибо осознавал сакральную ценность власти и опасность социальных потрясений. *«Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание... По общему своему характеру политическое мировоззрение Пушкина есть консерватизм, сочетающийся, однако, с напряжённым требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности, — то есть в этом смысле проникнутый либеральными началами... Пушкин защищает точку зрения истинного консерватизма, основанного на преемственности культуры и духовной независимости личности и общества, против опасности **цезаристски-демократического деспотизма**... “Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм” выступают у него как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу “демократия” — радикализм (“якобинство”) — цезаристский деспотизм»* (С. Л. Франк). Поэт был пророком органичной российской государственности.

Публицистической деятельностью в своём журнале «Современник» *«Пушкин ставил себе целью, с одной стороны, всестороннее воспитание и образование русской читающей публики в духе тех взглядов, которые были им выработаны в течение всей жизни. Он хотел предостеречь молодёжь от тех бесплодных заблуждений мысли, чувств и поведения, через которые ему самому пришлось пройти, и открыть ей, таким образом, широкую дорогу для творческой работы... С другой стороны, Пушкин считал своим долгом показать пример положительного мирозерцания, дать практические предложения для разрешения ряда жизненных вопросов. Он никогда не забывал о главном: что всякий писатель должен работать не только над своим образованием, но, прежде всего, над своим духовным воспитанием»* (Б. А. Васильев).

Считая литературу **духовным служением**, Пушкин беспокоится о том, *«дабы, с одной стороны, сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар Божий, не была работой и жертвою бессмысленной и своенравной управы; с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой и преступной... Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении».*

Пушкин убеждён — литератор ответствен перед Богом и людьми за то, благотворно или разрушительно влияние его произведений: *«Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не могут устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда».*

Патриотическое чувство не ограничивало свободы поэтического гения Пушкина. *«У Пушкина размышления о России носят столь же личный характер, как и размышления о себе самом, они становятся поэтическим средством, эпическим возвышением. Но гражданин не опровергает поэта. Стоит перечитать одно из последних писем Пушкина, адресованное Чаадаеву 19 октября 1836 года. На самое радикальное из когда-либо высказанных отрицаний России Пушкин, новый Пимен, отвечает её полным приятием, не исключаяющим, однако, и грусти. Вновь звучит песнь любви. Он приемлет и русское Православие, и просветителей. Он ничего не вычеркивает из русской истории, ни Византии, ни татар, ни Москвы, ни Петербурга. Оба Ивана, как и Пётр Великий, допущены в Пантеон, а за ними и Екатерина и даже Николай I. Пушкин смеет любить Европу и критиковать Россию. Он и славянофил, и западник. Это значит, что он свободен»* (Ален Безансон).

Обвиняя Пушкина в атеизме, ссылаются на «Гавриладиу» и другие ранние произведения, в которых религиозная тема интерпретируется с юношеским озорством. По этой логике в истории Церкви не может быть святых праведников, многие из которых в молодые годы вели далеко не безупречный образ

жизни. Посвятивший себя духовной жизни, принимающий монашеский постриг меняет имя, становясь другим человеком. Пушкин в молодости, как дитя своего века, пережил соблазны французского просветительства: эпикуреизм, вольтерьянство, религиозное безверие. Но духовная цельность позволила ему освободиться от налёта духовного нигилизма и восстановить связь с родной культурой. В заметке «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» Пушкин не только публично осудил «Орлеанскую девственницу» Вольтера, но, по существу, принёс покаяние в собственном грехе молодости — создании «Гавриилады», а также в соблазне, который он распространял кощунственной поэмой.

«Всё бремя нашего существования, все страдания и трудности нашего прошлого, все наши страсти — всё принято Пушкиным, умудрённо, очищено и прощено в глаголах законченной солнечной мудрости. Всё смутное прояснилось. Все страдания осветились изнутри светом грядущей победы. Оформились, не умаляясь, наши просторы; и дивными цветами зацвели горизонты нашего духа. Всё нашло себе легкие законы неоцутимо легкой меры. И самое безумие явилось нам в образе прозрения и вещающей мудрости. Взоры русской души обратились не к больным и бесплодным запутанностям, таящим соблазн и гибель, а в глубины солнечных пространств. И дивное глубоководствие и ясномыслие сочеталось с поющей и играющей формой» (И. А. Ильин).

Творчество и жизнь Пушкина выявляют глубинную **христианскую ориентацию** русской культуры, **религиозный долг культурного творчества**: *«веленью Божию, о муза, будь послушна»*, *«внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт»*. Поэтическое слово — это *«божественное орудие»*, *«хвалебный гимн Отцу миров»*. Поэт-творец призван Богом к пророческому служению: *«Глаголом жги сердца людей»*. Образ христианского подвижника не случаен у Пушкина: Пимен в «Борисе Годунове», *смиранный, величавый летописец*, запечатлевающий *земли родной минувшую судьбу*, — это и сам автор, ибо назначение поэта — **выражать духовную судьбу** своего народа. Через молитву преподобного Ефрема Сирина, переложенную на язык поэзии

в «Отцах пустынножителей», Пушкин сближает свою судьбу с судьбой христианского святого. Близок к этому и ответ митрополиту Филарету «*В часы забав и праздной скуки*», где Пушкин живо отозвался на стихотворение митрополита по поводу стихов поэта «*Дар напрасный, дар случайный...*» и где возникает образ священнослужителя, влияющего на жизнь поэта.

Глеб Анищенко показывает, как в нескольких религиозных стихах отражен драматический духовный путь Пушкина: «*Поэт воспринял послание владыки как перст Господень, указующий на то, что пророк забыл “Бога глас” и вновь попал в “пустыню мрачную”. Если в “Пророке” посредником между человеком и Богом выступал Ангел, то теперь Пушкин такого посредника увидел в земном человеке — церковном иерархе. Но вовсе не к нему обращает поэт своё стихотворение, а к Тому, Кто его послал... Стихотворение Пушкина — это не согласие либо спор с тем, что писал митрополит. Это — раскаяние в том, что писал сам поэт*».

Стихотворение «Странник» «*впитывает в себя практически все важнейшие мотивы религиозно-философской лирики поэта, предлагая чисто религиозный выход из замкнутого круга прежних размышлений о смертности человека... Идейно-сюжетная схема “Пророка”, “В часы забав...”, “Странника” состоит в том, что падшему человеку через посланника даруется помощь Бога, которая укрепляет его силы и выводит из мрака... “Отцы пустынножители...” включают в себя практически все ключевые пункты стихотворной переписки Пушкина и митрополита Филарета. То, что было найдено и осознано поэтом тогда, теперь совершенно естественным образом смогло уместиться в каноническую молитву. Тема преодоления мрака земной жизни, оживления сердца, воскрешения падшего человека, нашла в творчестве Пушкина не просто религиозное, но и церковно-православное разрешение» (Г. А. Анищенко).*

«*Я нашёл Бога в своей совести и в природе, которая говорила мне о Нём*», — сказал Пушкин А. И. Тургеневу. «*Личный и духовный путь его не прост и драматичен на протяжении почти всей жизни... но ведь подлинно христианский путь редко бывает прост и легок, и во Враче имеют нужду не здоровые,*

а больные (Лк 5:31). Личный путь Пушкина был не прост как раз потому, что он чувствовал и сознавал свой гений, свой творческий дар как не свою ношу, — а на это не каждый художник способен. Пушкину было дано чувствовать и мыслить по-христиански, было дано “благое иго” (Мф 11:30)» (В. С. Непомнящий).

Зрелый Пушкин вполне сознаёт своё место и роль поэта — **пророка, миссионера христианства**. Он писал в отзыве на «Историю русского народа» Н. Полевого: **«Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы»**. Занимаясь историческими изысканиями, поэт приходит к непреложному выводу: **«Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер. В России влияние духовенства столь же благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических... Ограждённое святой религией, оно было всегда посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историей, следовательно просвещением»**.

Безусловно, «Пушкин, как историк, как поэт и писатель, и, наконец — что есть, может быть, самое важное и интимное — в своей семье, конечно, являет собой образ верующего христианина. Могло ли быть иначе для того, кто способен был прозревать глубину вещей, постигать действительность?» (прот. Сергей Булгаков).

«Бесспорно, что Пушкин пришёл собственной дорогой к живой вере. Переломным годом был 1828-й, а начиная с 1830-го творчество и письма поэта свидетельствуют, что основные вопросы мирозерцания были им решены. Он встал на камень веры и не мыслил творчества вне христианства» (Б. А. Васильев).

Отныне поэт судит обо всём перед лицом Вечной Истины: **«Ничего не может быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII в. дал своё имя. Она была направлена**

противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов». Бытие Божие открывается верой, но с неизбежностью утверждается и последовательным разумом: «Не допускать существования Бога — значит быть ещё более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге» (А. С. Пушкин).

Гении русской святости и русского творчества преп. Серафим Саровский и Александр Пушкин обладали уникальной внутренней независимостью, цельностью характера и свободой, что безмерно расширило поле свободы и ответственности русского духа. Они привнесли в мир новый образ жизни и новый образ творчества, которые верны своему небесному назначению. Они явили новые откровения **персоналистичности бытия**. И святой, и поэт были яркими личностями — самыми ответственными и внутренне свободными людьми в тогдашнем мире. Жизнь и творчество Пушкина посвящены утверждению свободы личности — Божественного образа в человеке.

Творчество Поэта направлено на раскрытие истоков человеческой личности — отечества небесного и отечества земного. «*“Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам”* возводятся в ранг **наиважнейших бытийных категорий**. Эти два чувства основываются не на людском произволе, а на воле Бога и именно поэтому дают человеку “величие”:

*На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.*

Для характеристики человека, обретшего это “величие”, Пушкин создаёт гениальный неологизм “само-стоянье”, не имеющее синонимов в русском языке. Речь идёт не о самостоятельности, независимости, с одной стороны, но и не о рабской покорности — с другой. Пушкинское “самостоянье” есть **исполненность человека волей Бога** (о чём говорилось и в “Пророке”) и **обретенная благодаря этому полноценность бытия**. Воля Бога указывает ориентиры на земле. В данном

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru